

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

В.Л. ШЕЙНИС

Инопланетянин со Старой площади

В 2017 г. ушел из жизни советский историк и партийный деятель, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС, затем президента СССР М. Горбачева по международным делам – Анатолий Сергеевич Черняев. В статье автор со ссылкой на автобиографические заметки и дневники Черняева анализирует эволюцию его взглядов, вспоминает о времени его активной государственной деятельности, совпавшей с судьбоносными переменами в нашей стране, демонстрирует как совпадения, так и расхождения оценок Черняевым и Горбачевым событий, в центре которых они находились.

Ключевые слова: Горбачев, Черняев, перестройка, коммунистическая идеология, модернизация.

В 2017 г. ушел от нас Анатолий Сергеевич Черняев. Ничего не поделаешь – уходит эпоха, уходит поколение, вобравшее в себя XX в. и наложившее на него отпечаток собственных представлений и разочарований, своей воли и своих деяний. Новым поколениям досталась страна – такая, какая получилась. Судьба Черняева складывалась уникально. Волею случая, благодаря интеллекту и дарованиям, он занял позицию, открывшую колоссальное поле для наблюдений, и пространство, где сохранялась, пусть не всегда и не во всем, известная свобода выбора поведения. Встречаясь с людьми, стоящими на разных ступенях пирамиды власти, принимавшими или исполнявшими решения, от которых зависели действия то грозного, то лишь претенциозного государства, а с ними и жизнь многих его граждан, наблюдатель много слышал, много читал из недоступного посторонним, кое в чем участвовал. И заносил на бумагу даже такое, чего в другом месте не найдешь [Черняев 2008]¹, оставив целую библиотеку опубликованных книг и статей и горы документов, хранящихся в архивах. И сверх того, был способен чего-то добиваться, отстаивая свои убеждения и раздвигая в меру своих сил границы возможного в основательно зарегулированной системе.

Первая встреча

Герой одного нашего культового фильма говорил, что более всего запоминаются последние сказанные слова. Помню первую встречу с Анатолием Черняевым – мимолетную, заочную, произошедшую в 1967 г., – его доклад на международной “научно-практической” конференции. Такие конференции, в меру научные и безмерно идеологические,

¹ Книга отмечена премией национального конкурса “Лучшие книги и издательства года – 2008”, учрежденного Русским биографическим институтом, Российской государственной библиотекой и Литературной газетой. Почти половину огромного тома (1047 стр.) занимают записи, относящиеся к шести годам перестройки. Ссылки на страницы этого тома даются в тексте в круглых скобках.

которые периодически проводили гуманитарные институты Академии наук СССР с санкции и под пристальным наблюдением партийных органов, нередко были заметными ритуальными действиями. Одной из наиболее значимых опор советского строя была официальная идеология. Неоднократно перетолкованная в своих постулатах, она считалась важным достоянием режима, верность которому надлежало постоянно подтверждать, а действительные или воображаемые попытки ревизии — пресекать. Чем и занималась партийная рать — от профессиональных вещателей истины до функционеров КГБ. Свою роль в этом исполняли и парадные конференции, куда свозили зарубежных коммунистов и “сторонников мира”, “борцов с империализмом” и т.п., большинство которых (хотя еще не все) утратили реальную почву в собственных странах и торопились к раздаче даровых хлебов. Интересны же такие конференции были отдельными выступлениями представителей советской и зарубежной интеллигенции, выбивавшимися из идеологических канонов. Но даже среди них доклад Черняева существенно выделялся. Вот его основные идеи.

“Мирный путь к социализму долог”, — говорил он, ибо значительная часть трудящихся, а не одна только рабочая аристократия приспособилась к буржуазному образу жизни. Нищета перестала быть их повседневной реальностью. Бесконечным повторам об общем кризисе капитализма оратор противопоставил знаменитую формулу К. Маркса: ни один общественный строй не уходит со сцены, не исчерпав заложенных в нем возможностей развития. Капитализм — вовсе не “умирающий” строй. Он обладает колоссальными ресурсами самосохранения и самовоспроизводства [Черняев 1968, с. 258, 264, 265].

Отвесив ритуальный поклон диктатуре пролетариата (прощание с этой догмой было впереди), оратор подчеркивал, что переход к социализму — мирный. Это значит — без террора и гражданской войны. А главное, государство теперь не просто полицейский аппарат. Ломать его нельзя и не надо, ибо это означало бы “связать революцию *со слишком тяжелыми жертвами* и, может быть, даже загубить ее в условиях современного Запада... Машина сейчас слишком дорога, чтобы ее целиком разбивать, а потом создавать заново” [Черняев 1968, с. 255, 267, 268].

Особенно неприемлемым для обладателей “классового чутья” было переосмысление социальной структуры современного зарубежного общества. Такого рабочего класса не было, говорил докладчик, ни в одной прежней революции. Он вобрал в себя новые контингенты, в том числе инженерно-технический персонал, служащих, работников сферы услуг. На эти группы должны прежде всего ориентироваться в своей политике коммунистические партии [Черняев 1968, с. 254].

Но рабочий класс не только пополняется за счет интеллигентов и “белых воротничков”. Он стал большинством населения. Мало того — в число его союзников должна войти значительная часть персонала госаппарата, известные слои буржуазии и интеллигенция, не только связанная с производством. При этом часть союзников рабочего класса — определенные группы интеллигенции, — осторожно добавлял Черняев, — обладают более развитым социальным сознанием, чем часть пролетариата [Черняев 1968, с. 254, 260].

Что же подвигнет эти наиболее сознательные части общества к союзу с рабочим классом? Повторив дежурный тезис о социализме с его силой примера, Черняев сделал в него нетривиальное включение: “дальнейшее развитие социалистической демократии” [Черняев 1968, с. 262]. Мы, говорил он, может быть, недооцениваем “привязанности западноевропейских масс к соблюдению *формальной* демократии, огромный потенциал ненависти к насилию, которую породил тоталитаризм”. А затем сослался на опыт ряда компартий, которые переносят акцент с руководящей роли одной партии на союз с другими партиями трудящихся, прежде всего с социалистами. Круг замкнулся. Комдвижение прошло коминтерновско-коминформовские пируэты с “единым фронтом”, “народным фронтом”, огнем по “правым социалистам — поджигателям войны” и т.д. Теперь ему предлагалось вновь поискать связку с “массовыми социал-демократическими партиями”, которые в ряде стран стали “интегральной частью режима...”. Это уже были не

только теоретические построения, а прямой выход в политику [*Черняев* 1968, с. 261, 263, 264].

Коррекция официальной идеологии осуществлялась на привычном языке и в ее понятиях. Теоретическая конструкция Черняева, как видно, была приспособлена к безнадежно устаревшему представлению, выводившему социальную структуру общества из материального производства. Рабочий класс утрачивал ведущую роль, которую возлагали на него марксисты. К тому же он не расширялся за счет других социальных групп, а напротив, численно убывал и растворялся в новой социальной структуре. Но Черняев — ни много, ни мало — заместитель заведующего Международным отделом ЦК партии и, следовательно, один из тех, для кого в подцензурной сфере будто бы допускались вольности в перетолковании постулатов официоза, за которые иной мог бы лишиться партбилета или понести более суровое наказание. От “довольно нахального доклада” (как обозначил его сам автор) пошли круги по воде. Его заметили и пустили в дело в окол властных кругах, в академических институтах, и не только.

В Ленинградском университете мародеры, которые отличились участием в погромах в годы “ленинградского дела” (конец 1940-х — начало 1950-х гг.), а после XX съезда разбежались, восстанавливали теперь свои временно поколебленные позиции и возвращались к привычному занятию — искоренению отступлений от “линии партии” в идеологии. В то время, после шести лет работы у станка “за Венгрию”, я пришел на созданную профессором С. Тюльпановым и шагавшую не совсем “в ногу” кафедру экономики современного капитализма. И в противовес официозу подводил студентов к реальному знанию о зарубежном послевоенном мире. Произнесенные на престижной московской конференции соображения человека, занимавшего в партийных структурах заметное место и знавшего Запад не понаслышке, пришлось, как я тогда полагал, очень ко времени. Это была ошибка. После удаления Н. Хрущева курс, заданный его импровизациями, да и само время, еще немного продержавшись по инерции, был развернут назад.

Стараниями заведующего отделом науки ЦК КПСС С. Трапезникова (“страшное в своем демонстративном фанатизме чудовище” [*Черняев* 1995, с. 249]) и его покровителей с начала 1970-х гг. было развернуто фронтальное наступление на живую мысль и слово. Погрому подверглись несколько гуманитарных академических институтов. С Черняевым за его неортодоксальные выступления тоже попытались расправиться П. Федосеев, возглавлявший Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, и его приспешники в ЦК партии. Их атаку удалось отбить с помощью друзей, неплохо владевших приемами аппаратной интриги, но “священные коровы” идеологии восстановлены были в своих правах, а ситуация в партии и вокруг становилась все более угнетающей [*Черняев* 1995].

Интеллигент на партийной службе

Издали Черняев долго казался мне чуть ли не инопланетянином в штабе нашей всеохватной партии. Позднее, переехав в Москву, я познакомился с ним. И уяснил, что это не совсем так. Он позиционировал себя как “нормального московского интеллигента”. На самом деле он, конечно, заметно отклонялся от среднестатистического типа. Был умнее, наблюдательнее, намного образованнее, склонен к саморефлексии. Его личностные черты — из детства, из юности. О семье он рассказывал мало и скупно. Но в его распоряжении была совершенно фантастическая домашняя библиотека. Книги, которые он перечитал еще до войны, были такими, о каких в межвоенном СССР можно было только мечтать, — заполучить их на день-два было редкостной удачей; о других книгах мои друзья и я в те годы и не слыхивали. Читать он начал рано. Помимо подшивков “Огонька” и “Нивы”, это были сочинения Л. Толстого, В. Жуковского, И. Гете, С. Цвейга, Г. Ибсена, К. Гамсуна, М. Горького, А. Блока, Ф. Сологуба, И. Северянина, П. Романова и других. В школе, где он учился, редко кто не играл на рояле. Увлекался театром. Дрался с мальчишками, когда его задирали (“я был драчлив, но не агрессивен”). Я не знал ни одного из моих студенческих товарищей, кто сподобился бы написать курсовую работу об У. Петти и диплом о покупке акций Суэцкого канала правительством Б. Дизраэли

или кто из предвоенных и первых послевоенных студенческих поколений на семинарах в советских университетах приобщался бы к европейской общественной мысли, прорабатывая учения Д. Юма, Д. Беркли, И. Канта, А. Бергсона. Так проходило становление культурной ориентации и характера — твердого, независимого, самостоятельного.

В начале взрослой жизни Черняева ждали суровые испытания. Это была проверка на прочность. Первая из них — война. Сначала студенческий стройотряд. В неразберихе боевых действий, докатившихся до Москвы, ребят перебрасывали все ближе к столице, поручая им рытье окопов, которые немецкие танки обходили без труда. Назначенный комиссаром в один из университетских отрядов комсомольский активист, впоследствии известный историк М. Гефтер рассказывал мне, как они чуть не оказались в плену. Затем — почти четыре года превратностей жизни на войне с ранениями, госпиталями, приступами астмы — и еще в столкновениях с негодяйством командиров, “с безалаберностью, хаотичностью, бездарностью и безответственностью” ведения боевых действий. “В экстремальных ситуациях в душе часто бушевала настоящая паника. Но именно в эти моменты она никогда не вырывалась наружу. Не удержать ее внутри себя я считал унижением своего достоинства, потерей мужской чести” [Черняев 1995, с. 130].

Казалось бы, после войны надо было пережить, перетерпеть несколько лет неустроенной жизни в голодной, медленно приходившей в себя Москве. Закончить образование, обрести ученую степень, пойти по стандартному карьерному пути выжившего на войне молодого интеллигента. Все было: и заслуженные на войне ордена, и партбилет, и “нормальная” национальность, и непозабываемая учеба. Помню, уважаемый лектор говорил нам, студентам первых послевоенных лет: видите, как вернувшиеся с войны молодые люди быстро обрели место в жизни, не стали “потерянным поколением” подобно героям Р. Киплинга и Э.-М. Ремарка. А Черняев, вернувшийся в университет в 1945 г., увидел другое: «...почет, слава, официальное признание — только тем, на кого укажет партия. Сталину не нужна была “суверенная” и гордая энергия “поколения комбатов”», “что в сорок первом шли в солдаты и в гуманисты в сорок пятом” [Черняев 1995, с. 200].

Окунуться молодому гуманисту пришлось в жизнь, которую сотрясали ждановщина, гнусные антисемитские гонения, почти молитвенное поклонение вождю (смерть Сталина не вызвала “ни печали, ни сожаления... в душе я был убежден, что никакой беды не случилось...”), спектакли всенародных кампаний, поражавшие своей бездарностью [Черняев 1995, с. 200]. В отличие от многих сверстников Черняев был защищен интеллектуальным и нравственным иммунитетом. Но угнетало ощущение собственного бессилия остановить маховик.

А параллельно шло продвижение по жизни и службе через аспирантуру, руководство кафедрой в университете, низовые звенья партаппарата — и Черняев без собственных на то стараний попадает на работу в ЦК КПСС. Парадокс? Конечно, война выбила целое поколение молодых, ответственных, образованных, работоспособных и умных людей. К тому же анкета Черняева была безупречной. И все же задаю трудным вопросом: как такой человек мог ужиться с партийной дисциплиной, с подчинением писаным и неписаным порядкам службы в аппарате? И это длилось десятки лет! Попытки найти ответ раздвигают представления и о коммунистическом ЦК, и о Черняеве.

Все инстанции партийного аппарата и венчавший властную пирамиду ЦК извне делились свободомыслящим интеллигентам, работавшим в культуре, как огромная монолитная и давящая сила. Разумным представлялось по возможности оставаться в стороне и сводить общение с функционерами к минимуму. В этом была своя правота — такое поведение помогало сохранять нервы и достоинство. В предельных случаях — шли в сторожа и кочегары. С чем было трудно согласиться многим из нас — *эта правота была не единственной*. Люди, заполнявшие аппаратные структуры, были разными. И сама жизнь вынуждала вступать в отношения с ними по разным поводам.

Многочисленная партия была многослойной, и даже ее высшие руководители, не говоря уж об аппарате, являли захватывающее разнообразие человеческих типов. Острый взгляд и безотказное перо Черняева фиксируют беспощадную картину. На смелую Хрущеву — импульсивному, неутомимому, веровавшему в торжество коммунизма

пришел Л. Брежнев. В 1970-х гг. этот жизнелюб уже миновал свою лучшую пору. В своем тщеславии, любви к наградам и почестям он был смешон, все меньше способен понимать смысл написанных для него речей, с удовлетворением воспринимал нарастающий вал восхвалений и сам принимал участие в этом “всесоюзном и даже интернациональном бесстыдстве”. Но крупницы здравого смысла еще сохранились у него и на закате жизни. Не он инициировал вторжение в Афганистан, но он воспротивился интервенции в Польшу в 1980–1981 гг. Его “основная жизненная идея – идея мира, – полагал Черняев (как я думаю, несколько преувеличивая). – С этим он хочет остаться в памяти человечества” (с. 133, 193, 286, 386, 464, 466). Более жесткий курс политики воплощала “тройка” вошедших в 1970-х гг. в Политбюро “главных министров” – Ю. Андропова, А. Громыко, Д. Устинова. Этим деятелям, столь почитаемым нынешними властями, страна была обязана срывом разрядки, новым витком гонки вооружений, афганской авантюрой (с. 307, 406, 587, 634).

Спустимся на несколько ступеней пирамиды, где располагались иные министры и заведующие идеологическими отделами ЦК – малограмотные люди, отбрасывающие и искореняющие все, что находилось за пределами их куриного кругозора. Монструозный Трапезников со сворой своих замов. Чуть более понимающий В. Шауро, до самой перестройки заправлявший отделом культуры, – у него “ни мысли, ни собственного убеждения, ни тем более политики ни на грош” (с. 35). Особняком на этом уровне стоит заведующий Международным отделом Б. Пономарев. “Он был, по своим личным качествам и интеллектуальному багажу, далеко не самым скверным в верхнем эшелоне советского правящего слоя”. Может быть, потому что он – реликтовое образование. Он привержен большевистской догматике 1920–1930-х гг. С нетерпением ждет вселенского кризиса капитализма и жадно всматривается в признаки его приближения. Убеден, что на Западе рабочий класс голодает. Тщится выступить с собственным “учением” о современном кризисе. Он в некотором роде “загадка сталинской эпохи”. Сталина он ненавидит, это его человеческая черта. Но его квазитеоретические построения недалеко ушли от сталинских трудов. Его терпят, но утесняют и унижают. Среди циников и карьеристов он выглядит человеком идейным, среди неучей – образованным. Но среда диктует нормы поведения, а занятия – подбор сотрудников (с. 93, 107, 135, 182, 183, 476, 530, 603, 663). И здесь мы подходим к ответу на ранее поставленный вопрос.

До некоторой степени Международный отдел в структурах ЦК занимал исключительное место. Наверное, не он один (ведь ведал высший партийный орган и хозяйственными отраслями), но Черняев работал здесь почти 20 лет. А я мог наблюдать его, хотя и издали. Причем в самом ЦК, да и в сопричастных структурах, этот отдел стяжал славу “рассадника ревизионизма”. Ведь общаться приходилось не только с многолюдной оравой зарубежных прихлебателей, но и с теми зарубежными компартиями, которые нащупывали дорогу к самостоятельности, позднее – к еврокоммунизму. Поэтому здесь и складывалась полусвободная микросреда. Черняев упоминает имена “свободомыслящих ребят”, с которыми велись разговоры настолько откровенные, что помыслить их за пределами громадного здания на Старой площади было трудно. “...Порядочные люди были и в ЦК КПСС”, – замечает Ю. Карякин, знавший об этом не понаслышке [Карякин 2016, с. 443]. Хотя многие из них в публичных выступлениях позволяли себе говорить расхожие пошлости и обретали среди тех, кто пытались следовать призыву А. Солженицына “жить не по лжи”, незавидную репутацию.

Но все же некоторые, используя преимущества своего статуса, «создавали “мини-общественное мнение” вокруг кого-то или чего-то, что считали достойным и важным». Они защитили Черняева, полагая, что “если Федосеев возьмет верх, в идеологии окончательно наступит черносотенная эпоха” [Черняев 1995, с. 256]. К Черняеву и его друзьям по службе обращались за поддержкой – и нередко получали ее – выдающиеся писатели, художники, актеры, оказавшиеся в опале за нестандартные мысли и поступки. Иногда удавалось поправить изготовлявшиеся в аппарате официальные документы, свалить особенно оговоренных мракобесов, ограничить экспансию “трапезниковщины”. Так, за две-три недели до смерти Брежнева друзья Черняева Г. Арбатов и А. Бовин нашли ход

к генсеку и предотвратили запущенный уже отделом науки ЦК КПСС, а также Первым секретарем МГК КПСС В. Гришиным и Секретарем ЦК КПСС М. Зимяниным разгром коллектива Института мировой экономики и международных отношений АН СССР — “оазиса творческой мысли” [Арбатов 2002, с. 338–344; Бовин 2003, с. 302].

Такова была жизнь в тоталитарном государстве, клонящемся к упадку. Черняеву жизнь в системе, в которую он пошел работать, надеясь как-то повлиять на кручение ее колесиков, была изнурительно трудна физически и морально. “Никакого удовлетворения от того, — пишет он, — что я уцелел на своей работе, я не испытал” [Черняев 1995, с. 257]. Впервые испытанию *двоемыслием* (я бы уточнил — *двоедействием*) он подвергся уже на ранних ступенях гражданской карьеры. В Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, где он стал заведовать кафедрой, он не смог предотвратить изгнание блестящих профессоров, обращавшихся к нему за объяснением и помощью (“как же так? за что?”). В 1957 г. был привлечен к участию в разгроме журнала “Вопросы истории”, поместившего серию антисталинских статей.

«Работа в отделе науки ЦК вспоминается как самый неприятный, потерянный период моей жизни... и, наверное, опасный для “самосохранения” как уважающего себя человека» [Черняев 1995, с. 224]. Неожиданно возник спасительный проблеск — назначение в пражский журнал компартий “Проблемы мира и социализма”. В редакции доминировала почти свободная аура, ревнители идейной чистоты были в меньшинстве, “сама парторганизация превратилась в лихой дискуссионный клуб, неподконтрольный ни московскому ЦК, ни советскому посольству”. Самое время, пишет Черняев, сбрасывать “совковую шкуру”: ведь “в коммунизм, смею утверждать, никто из нас не верил” [Черняев 1995, с. 227, 229]. А затем — возвращение в Москву, теперь уже в Международный отдел ЦК КПСС. И сразу же пришло, может быть, самое тяжкое испытание.

1968 г. проходил для меня и моих друзей под знаком разворачивавшихся в Праге событий. За 12 лет до того мы уже были обожжены событиями в Венгрии, а теперь жили ожиданием повторения злодейства и слабой надеждой, что оно почему-то может миновать. И все же советская интервенция обрушилась неожиданно. Для Черняева и многих близких ему людей моментом истины стал не Будапешт, а Прага. Почему? Чего иного можно было ждать от правителей, ощутивших себя загнанными в угол? Но шок был действительно очень сильным. Со временем чувство “оглушения” стало ослабевать, но и оказалось ясно, что расплата за преступление советским вождям обошлась сравнительно дешево. Их право творить, что хотят, к востоку от линии разграничения Запад признал в Хельсинки через семь лет, а распад советской империи был заморожен на 20 лет. Но в те дни Черняев, в отличие от многих близких ему людей, не находил себе места. Собирался уйти из ЦК, искал “неидеологическую” работу. Не нашел — да и не было для него такой... “Запомни, — сказал он в те дни своей дочери, школьнице, — мы совершили страшное преступление. Нам не простят этого и за сто лет. Оно ляжет позором на русских, на нашу страну, на нашу историю. И что бы мы ни делали, проказа этого преступления будет разъедать все” [Черняев 1995, с. 265–267]. Много лет спустя я сказал Черняеву, что слова из песни Б. Окуджавы (“А как третья война, то моя вина. А моя вина — она всем видна”) отношу к себе. “Да, но Вы не работали тогда в ЦК”, — сразу отозвался он. Осознание собственной причастности к нашей общей вине и беде не оставляло его до конца жизни.

От времени подавления “пражской весны” до перестройки прошли почти два десятилетия. Для Черняева это были годы аппаратной рутин: службы с заданиями, приемами, поездками, сочинениями текстов для начальства, большая часть которых шла в отвал, — и “свободным временем” с размышлениями и откровениями, которые тут же заносились на бумагу, мечтаниями и надеждами, общением с друзьями, романами и наблюдениями над “застойной”, но быстро пролетающей жизнью. Чтобы вникнуть во все это, придется читать его объемистые книги. Такая возможность открыта для каждого, кто сумеет извлечь из того пользу. Но я рискну, опираясь на его тексты, обозначить промежуточный итог, как он виделся автору, тремя главными направлениями, по которым

выстраивались его прогнозы и мечтания. Это международное комдвижение (МКД), развитие советского общества и внешняя политика государства.

Комдвижение. «Серьезные люди к 1970-м гг. окончательно поняли, что на самом деле “грозного коммунистического движения”, руководимого со Старой площади или с Лубянки, фактически нет... МКД не только давно перестало быть орудием нашей внешней политики, но даже инструментом “на случай”» [Черняев 1995, с. 272]. Последняя надежда была на еврокоммунизм (конечно, не в виде управляемой массовки, а в лице нескольких более или менее массовых партий), который сумеет утвердиться в национальной жизни своих стран в качестве левого социального крыла. Но и эта надежда потерпела крах. Не сумел еврокоммунизм оторваться от отторгавших его советских корней, а крушение СССР предопределило его судьбу. Эскиз одного из альтернативных вариантов приспособления к реалиям менявшегося мира развития не получился. Да и вся довольно-таки затратная многолетняя работа с МКД оказалась пустыми хлопотами.

Обновление СССР. «Страна “незаметно” вползла в полосу общественной депрессии и нарастающего маразма в верхах... Наша общая беда (и индивидуальная, как я, как ты и нам подобные) – воспроизводит Черняев слова своего единомышленника – в том, что на ключевых постах сидят подонки, особенно если говорить о нашей сфере – об идеологии... И ничего ты с ними не сделаешь. Правы по стратегическому счету все равно они. Они же и создают “общественное мнение”. За ними масса служителей культа – так говорили о них раньше, теперь я называл бы их просто идеологическими попами. Они готовы на все, лишь бы сохранить себе посты и кормушки» [Черняев 1995, с. 298–299].

Внешняя политика. Немало труда было положено на то, чтобы вывести агрессию в Чехословакии из политического дискурса с Западом, переключив переговорный процесс в русло, которое считали выигрышным для советской внешней политики: ограничение вооружений, затверждение линии разграничения в Европе – “итогов Второй мировой войны”, и т.п. Важным достижением сочли конференцию в Хельсинки. За согласие западных держав пришлось в чем-то уступить (“третья корзина”), но в главном уступки реализовывать не собирались. А затем возрожденную будто бы разрядку отправили по наклонной. Вторжение в Афганистан, размещение ракет средней дальности, история с южнокорейским самолетом и т.д. вновь резко обострили международное положение.

Все это, казалось, свидетельствовало, что мечтания и усилия прогрессистов при власти уходят в песок. Оставалось одно: сочинять тексты для начальства, “попытаться с помощью словесности открыть щели, чтобы потом через них и здесь пробивался здравый смысл... Надо только сначала развернуться мыслью, а затем уже клеить слова” [Черняев 1995, с. 326]. Так бы все и было, если бы не пришла перестройка. Роль в ней Черняева, как и сама перестройка, по-моему, недооценены.

Звездное время

1985–1991 – звездные годы в жизни Черняева, да и всей нашей страны. Его записи, относящиеся к этим годам, – один из самых значительных и поучительных памятников переломного времени. Он вошел в узкий круг ближайших сотрудников М. Горбачева. В повседневном общении с Генеральным секретарем в течение шести лет он получил небывалый прежде для работника аппарата власти доступ практически ко всей информации о государственных делах и намерениях (или отсутствии таковых) главного действующего лица. И что не менее важно – возможность говорить все (или почти все) и сразу, что он думает, будучи не только наблюдателем и комментатором, но и критиком партийно-государственного курса. Это критическое начало в его записях нарастало от года к году. В своих рассуждениях и, рискну сказать, наставлениях Горбачеву автор Дневника показывает, почему события развивались не так, как замышлялись, почему перестройка имела сравнительно легкий старт и почему в итоге страна оказалась отброшена на раннеперестроечные и отчасти даже доперестроечные позиции.

Отношение Черняева к Горбачеву менялось. Подчас верх брали эмоции: радость, огорчение, раздражение, отчаяние. Иначе, собственно, и быть не могло. Вначале оценки

были восторженными, почти панегирическими: "...огромное богатство ума, характера, осведомленности, знаний, точности в умении схватить суть, решительное неприятие даже подобия демагогии и попытки прикрыть что бы то ни было идеологией, презрение к бездарности и неумению работать..." (с. 684). Потом отношение становилось более взвешенным. Подводя итог, он пишет, что "как помощник и соратник, да и по-человечески, я был временами жестко несправедлив в оценке поведения, суждений и образа действий Горбачева, считал их недостойными или неадекватными положению и заслуженному величию такого деятеля". И все же "хотя в практическом плане цели, поставленные Горбачевым, оказались неосуществимыми или заведомо иллюзорными, в плане исторической перспективы его миссия объективно была необходимой, и многое в ней приобрело необратимый характер" (с. 1046). Правда, слишком многое не состоялось, было забыто, переделано, оболгано. Но я, как и Черняев, уверен, что *шесть лет правления Горбачева по замыслу и свершениям — при всех ошибках, неудачах и противоречиях — были лучшим, самым перспективным временем в политической истории России.*

Почему Горбачеву удалось начать глубокие перемены в косной, застойной среде? Ответ Черняева верен: его "как ни парадоксально, приходится искать в вещах, противопоставленных преобразованиям, а именно в тех ненормальностях, отрицательных сторонах нашего общества, даже его пороках, которые сложились и закалились на протяжении десятилетий". Первое — абсолютная власть, которая досталась Генеральному секретарю. И второе — «лояльность, конформизм, иждивенческий комплекс в партии и в народе. Привычка считать, что там, "наверху", все знают, все видят и в любом случае сделают так, как захотят» (с. 320–321).

Реформаторской эволюции Горбачева, отмечает Черняев, вначале были присущи "необычайная смелость в словах и оценке проблем и осторожность в делах" (с. 704). Реформатор шел за развязанными им событиями. Его видение проблем становилось яснее, их оценки — острее, намерения — в общем (хотя и не всегда) радикальнее. И все же запаздывание с действиями становилось подчас в глазах его помощника недопустимым, а шаги в сторону или даже назад — непоправимыми. Как вести перестройку, как и с кем решать возникающие проблемы? Размышления об этом поглощают время и мысли Черняева. Для него это главное дело, сама жизнь. И он изо всех сил пытается исправить, как он полагает, заблуждения Горбачева, убедить его в своей правоте. Спорные вопросы напользуют одни на другие. Вот главные из них.

"Социалистический выбор". Черняев уже в юности ни в какой социализм не верит. Горбачев — выходец из другой социальной среды. Он помнит и не раз повторяет, что такой выбор сделали его деды. Отречься от него непросто. Но вот кумиры зашатались. Ядро доктрины — отрицание частной собственности. Как быть? Попытки совместить социализм с рынком, вмонтировать приватизацию во все тот же выбор — это уже от мифологии, чистое лукавство (с. 741, 866, 867). Не мог Горбачев, однако, не считаться с тем, что социалистическая мифология, расчет на государственные гарантии укоренены в сознании (или в подсознании?) большинства народа. Приватизация его окружение противится. Ее проведение оставят другим людям. А то, как они ее проведут, будет работать на отторжение народа от власти и приватизаторов, на закрепление "социалистической" мифологии в массовом сознании.

Сложнее дело обстоит с **партией**. Генеральным секретарем Горбачев стал с убеждением, что главный мотор перестройки — партия. Но развязать общественную активность и вдохнуть жизнь в партийные структуры не получается. Я что вам, царь? Или Сталин? Почему вы не можете разглядеть людей, выбрать лидеров, прогнать неугодных?! — бросает он в ответ на жалобы: у нас ничего не меняется. Истинно так: слишком долго и тотально вытравлялась самоорганизация, подавлялась низовая инициатива. Партийный аппарат (а это и есть партия), почувствовав угрозу своему положению, гасит сигналы, поступающие сверху, везде, где может, пригибает общественный активизм или перенаправляет его в безопасное для системы русло. "Перестройка не состоится, — огорчается Черняев, — если ее не насаждать сверху. А насаждать ее хочет и может один М.С.", да еще два–три человека в Политбюро (с. 756).

Бросить, расколоть партию, увести из нее живые силы? К этому Горбачев подходит медленно. Ему внушают: покинете партию — вас сомнут. И надежда на широкое объединение сил (в том числе тех, кому никакая перестройка не нужна, кто становятся во враждебную к ней позицию) его никак не покидает. Учредив российскую компартию, противники перестройки выводят из-под него российские организации. Но почистив ЦК от ветеранов и преодолев на одном из его последних пленумов ЦК “бунт на коленях” партийной бюрократии, пошедшей на него в атаку впрямую, он продолжает считать себя хозяином положения: “...нельзя эту паршивую собаку отпускать с поводка...”. Он принимается за сочинение “почти социал-демократической программы” и “вместо того, чтобы самому расколоть такую партию два года назад, — записывает Черняев в 1990 г., — он сейчас, когда она превратилась во враждебную ему и перестройке силу, продолжает спасать ее от раскола...” (с. 862). Между тем победы, которые Горбачев одерживает над партийными ретроgrадами, — пирровы. Как переходить от тоталитаризма к демократии не знает никто. *Реальная проблема — не в том, когда и как следовало расколоть нежизнеспособную партию, а чем ее заменить.*

Горбачев попытался нащупать хотя и паллиативный, но верный путь, начав *переносить центр тяжести власти из партийных в государственные органы*. В 1988 г. он начинает глубоко реформу Конституции. В следующем году впервые в СССР проведены относительно свободные и местами альтернативные выборы. Они продвинули политизацию общества. Критические выступления демократических депутатов, которым внимала вся страна, расшатывали представления о неизменности режима. Но избранные всесоюзные представительные органы парламентом не стали. Их состав в значительной мере был сформирован все тем же аппаратом, тем агрессивно-послушным большинством, о котором на I съезде народных депутатов СССР сказал Ю. Афанасьев. В них по мере обострения ситуации нарастают антигорбачевские и антиперестроечные склонения. Несостоятельными оказались и реформы исполнительной власти. В ее структуры на ключевые посты труднообъяснимыми решениями Горбачева продвинуты “государственники”, противники демократической перестройки, которые вскоре займутся опасными провокациями, а затем станут организаторами путча. Начавшийся ремонт здания, который нигде и никогда не удавалось провести безболезненно, обострил действительно трудные, в принципе не решаемые в короткий срок проблемы. Но многое вызывает у Черняева критическое отношение или даже протест. “Партия действительно сходит со сцены”, — помечает он. Однако теперь Горбачев вместо того, чтобы “высвободить естественную логику развития общества, а не навязывать ему очередную схему... пытается играть роль главного конструктора нового общества. Но это уже невозможно в принципе...” (с. 878, 879).

Реальная власть не у Съезда народных депутатов СССР, появление которого вызвало взрыв общественного энтузиазма. Он не структурирован политически и заполнен людьми, не способными ни мыслить, ни действовать по-государственному. В лучшем случае он подобен небоскребу в пустыне: в стране нет ни многопартийной системы, ни независимого суда, ни разветвленной сети общественных организаций, а Межрегиональная депутатская группа, созданная на политической основе, находится на осадном положении. В итоге советская власть, переход к которой едва забрежил, отмечает Черняев, стала терять легитимность вслед за партией (с. 831). Во время путча Съезд народных депутатов СССР сначала окажется вне игры, а затем, подчинившись президентам союзных республик, представшим в виде его самоназначенного президиума (вот где власть!), покорно сойдет со сцены, проложив путь к ликвидации СССР.

Распад СССР. Союз можно было сохранить — Горбачев эту дорогу для него мысль повторяет и годы спустя. Наблюдения и свидетельства Черняева этого не подтверждают. Он фиксирует, как одни республики начали дрейф к выходу из Союза уже в первые годы перестройки, сначала осторожно, а затем все более уверенно. В других возникли национальные движения, прорывавшиеся к власти в своих республиках, союзных и автономных. В третьих — разгорались этнические конфликты. Национальные меньшинства добивались автономии, переселения или выделения из своих республик; этническое большинство отвечало на это утверждением своего привилегированного статуса, а кое-где — погромами. Карта СССР запестрела обозначениями национально-государственных

конфликтов. Пролилась кровь. Гибли люди. Ряд начавшихся тогда конфликтов продолжает тлеть до сих пор. Союзное руководство недооценило, что, начав перестройку, оно стронуло с места неодолимые центробежные силы, совладать с которыми не может.

Энергичные, но безуспешные попытки остановить распад Союза попытались предпринять в проблемном регионе — Прибалтике. Сначала — увещеваниями, поверхностными реформами, давлением на местных руководителей. Затем — угрозой экономической блокады. И это еще не *ultima ratio regis*. Реакции Горбачева — то уклончивые, то взрывные — угнетают Черняева. “Я додавлю их всех!” — бросает президент в порыве раздражения. “Нет у него государственной политики, — записывает Черняев, — одна державная идеология” (с. 853, 855). А репетиция госпереворота в Вильнюсе в январе 1991 г. с использованием советской армии, колебания Горбачева вместо ожидаемо жесткой на то реакции вызывают взрыв общественного негодования. В Москве проходят многотысячные демонстрации протеста под лозунгом: “Свободу Литве!”. Черняев в минуты отчаяния сочиняет исповедальное послание Горбачеву: “Я тоже ухожу... Вы обрекли себя на политику, цели которой можно достигнуть только силой. И тем самым вошли в противоречие с провозглашенной Вами самим философией... Ради сохранения Литвы в СССР Вы собственными руками губите дело, которое, как правильно Вы неоднократно утверждали, призвано было изменить мир” (с. 903–905)². И все же то, что Прибалтика — отрезанный ломоть, придется признать. Но на первый план выдвигаются куда более мощные провоцирующие и раскалывающие самих “перестройщиков” факторы. Перед событиями на Украине устоять не может и Черняев: “Крым... Нельзя его отдать, это позор для национального самосознания России” (с. 996, 1025).

Однако самые важные процессы, предопределившие распад Союза, разворачивались в России. Черняев начисто отвергает политический курс российских демократов того времени, поддерживавших Б. Ельцина и объединившихся на короткое, но критически важное время с представителями российской бюрократии в борьбе против “союзных государственных структур”. А следовательно — и против Горбачева. Утверждает, что “шанс делать настоящую демократическую власть” был именно при Горбачеве. (с. 844, 845 и др.). Если это и так, то вопрос, как можно было этот шанс реализовать, остается открытым. И как можно было перейти от унитарного государственного устройства к федеративному или даже конфедеративному? А следовательно — сохранить Союз. Более того, здесь мне согласиться с Горбачевым и Черняевым трудно. Сохранить государство с рвавшимися из него республиками можно было только силой и только на время. *Но если бы это и произошло, сосуществование России в одном государстве с утвердившимися в ряде республик феодально-байскими режимами пошло бы ей не на пользу, а во вред.* Как будто мало нам было кавказских и иных автономий...

Меня, находившегося по другую сторону политической черты, разделившей реформаторов и российских демократов, нередко коробил оголтелый антигорбачевизм Ельцина и “Демократической России”. Могу согласиться, что им (нам) не хватало терпения, проницательности и мудрости, а некоторым — и элементарной честности. Но в оценках российских демократов, которые по разным поводам автор заносит в Дневник, — заостренно враждебных, пренебрежительных, бьющих наотмашь, — ему, как мне кажется, изменял объективный и взвешенный подход. Черняев воспроизводит злые горбачевские выпады против Ельцина и с раздражением отмечает, как «рафинированная интеллигентская элита... рукоплещет... (опускаю эпитеты. — В.Ш.) “лидеру” Ельцину!» (с. 929). Но он признает, что Ельцин нередко делал то, что должен был делать Горбачев, что подчас “устаи Ельцина глаголет истина”, что выдвигавшаяся им программа “составлена хитро, основательно и впечатляет” (с. 863–864, 904, 913, 933). Не знаю, как можно было выстроить мост между инициатором перестройки и российскими демократами в сложной обстановке 1989–1991 гг. А ведь только такой блок, возможно, давал шанс на то, чтобы демократический процесс не сбился с пути.

² Написать такое письмо, а затем отложить его публикацию на два года — бесспорное право автора. Следует отметить, что эскалация силового подавления независимости Литвы была приостановлена, а затем снята с повестки дня еще более драматическими событиями.

Объективно перестройка должна была решить три главные задачи: заменить государственный социализм рыночной системой, тоталитарный строй унитарного государства – демократическим и федеративным (или союзным) и ввести нашу страну в сообщество демократических государств. На каждом из этих направлений, то и дело сбиваясь с пути, Россия все же продвигалась вперед в перестроечные и постперестроечные годы. И отходила от края пропасти, к которому подчас приближалась. Опасность усматривали в коммунистическом реванше. Но реставрация существенных элементов прежнего порядка пришла иным путем.

Время, в котором жил и работал Черняев, оставило немало вопросов. Но его труд, опыт его жизни, запечатленная им летопись времени бесценны. Они помогают видеть и понимать прошлое, ориентироваться в настоящем и трезво встречать будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арбатов Г.А. (2002) *Человек системы*. М.: Вагриус.
Бовин А. (2003) *XX век как жизнь: воспоминания*. М.: Захаров.
Карякин Ю. (2016) *Перedelкинский дневник*. М.: Книжный клуб.
Черняев А.С. (1995) *Моя жизнь и мое время*. М.: Международные отношения.
Черняев А.С. (1968) О некоторых вопросах революционного развития в капиталистических странах Европы // *Проблемы рабочего движения*. М.: [Б.и.]. С. 254–268.
Черняев. А.С. (2008) *Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы*. М.: РОССПЭН.

An Alien from the Old Square

V. SHEYNIS*

*Sheynis Viktor – doctor of science (economic), professor, chief research scientist, the Institute of World Economy and International Relations RAS. Address: 117997 Moscow, Profsoyuznaya str., 23. E-mail: sheynis31@gmail.com

Abstract

In 2017, a Soviet historian and a party figure, assistant for international affairs to the general secretary of the CPSU Central Committee, and later to the president of the USSR – Anatoly Chernyaev, passed away. In his article, the author, with reference to Chernyaev's autobiographical notes and diaries, speaks about this outstanding man, recalls the time of his political activity, expresses his judgments, supplementing Chernyaev's memoirs with his own ones. This includes the attitude to the ritual service to the communist ideology of Khrushchev's times, the evaluation of Gorbachev's activity and his time until Yeltsin's rise to power.

Keywords: Gorbachev, Chernyaev, perestroika, communist ideology, modernization.

REFERENCES

- Arbatov G.A. (2002) *Chelovek sistemy* [The man of the system]. Moscow: Vagrius.
Bovin A. (2003) *XX vek kak zhizn': vospominaniya* [The twentieth century as the life: memories]. Moscow: Zakharov.
Chernyaev A.S. (1995) *Moya zhizn i moe vremya* [My life and my time]. Moscow: International relations.
Chernyaev A.S. (1968) О некоторых вопросах революционного развития в капиталистических странах Европы [On some questions of revolutionary development in the capitalist countries of Europe]. *Problemy rabocheho dvizheniya*. Moscow: [N.P.], pp. 254–268.
Chernyaev A.S. (2008) *Sovmestnyy iskhod. Dnevnik dvuh ehpor 1972–1991 gody* [Joint outcome. Diary of two years. 1972–1991]. Moscow: ROSSPEN.
Karyakin Yu. (2016) *Peredelkinskiy dnevnik* [Peredelkino Diary]. Moscow: The Book Club.

© В. Шейнис, 2018